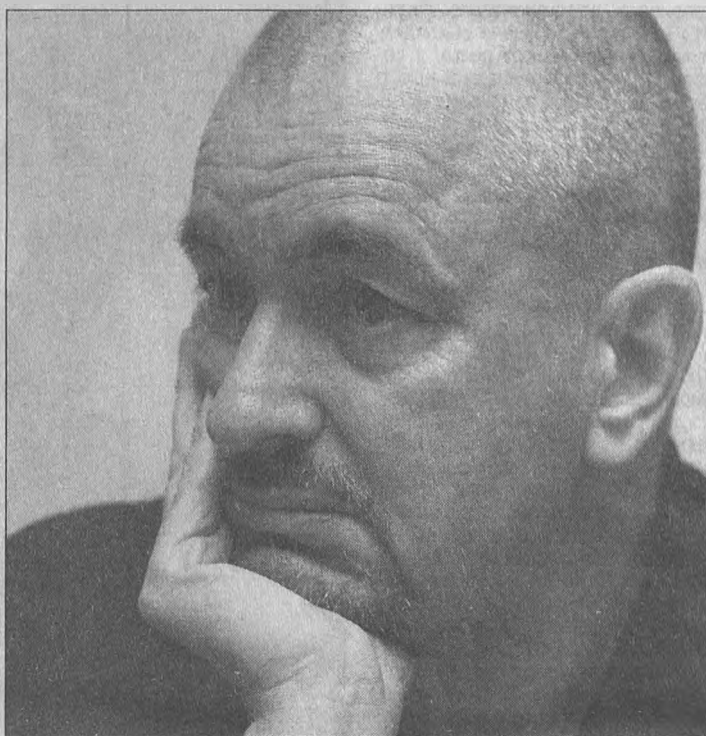

Молодые научились рвать рубашки от Армани

Фильм Жан-Жака БЕНЕКСА "Приключения трупа", изящный "неонуар", был главным хитом на фестивале "Французское кино сегодня", а сам режиссер, фаворит интеллектуальной публики, — самым долгожданным гостем. В 80-е годы его причисляли к модной "новой новой волне" или "BBC" (Бенекс, Бессон, Каракс). После смерти Ива Монтана на съемках фильма "IP 5: Остров толстокожих", негласно преданный остракизму Бенекс не снимал девять лет (режиссера обвиняли в том, что он "застудил" актера на съемках). Занимался документалистикой и много путешествовал. Фильм "Приключения трупа" ("Mortel Transfert") выходит в российский кинопрокат 24 января.

Ж.-Ж.Бенекс

— В печати вас часто называют тем самым режиссером-киноманом, который остается верен принципам так называемого неobarocko, в отличие от некоторых ваших коллег, ушедших в чистую коммерцию. Вы с детских лет были всегда сценаристом?

— Вот именно. Мои родители, дед и бабушка растили меня в атмосфере любви к кино. Я ходил в кинематеку, смотрел Шаброля и Трюффо, читал "Cahiers du cinema", преклонялся перед "новой волной". Свой первый фильм "Дива" я хотел сделать в соответствии с той атмосферой. Мой дебют очень полюбил публика, в том числе и иностранная, и совершенно не восприняли критики "новой волны". Я одиночка в своем жанре.

— Двадцать лет назад "Диву" показали в конкурсной программе МКФ, фильм даже был удостоен двух премий, помимо четырех "Сезаров" за лучший дебют на родине. Вы помните свой визит в Москву советскую?

— Тогда приехать в Москву означало приехать в другой мир. Для нас, с одной стороны, это была страна Чехова, каких-то приключений, транссибирского экспресса, а с другой — страна за железным занавесом. Я жил в гостинице "Россия", помню, как мы плавали по Москве-реке, пили водочку с друзьями. С

тех пор много воды утекло, у нас многое изменилось. Конечно же, свобода — это большой подарок, но и большая ответственность тоже.

— В "Приключениях трупа" вы не скрываете крайне ироничного отношения к психоанализу?

— Я вообще человек ироничный. В нашей жизни невозможно спастись серьезным настроением. История жизни и смерти это и есть анекдот. Психоанализ родился в кино или вместе с кино. А великие драматурги, разве они не являются психоаналитиками своей эпохи? Есть много общих точек между душой и бессознательным. Жан Ренуар говорил, что в кино важно не рассказывать всякие страшные истории, а пытаться проникнуть в суть человеческих отношений. И мой фильм "Приключения трупа" появился как звено в цепочке неких событий, отражавших внутренний кризис, который я лично переживал. В этих обстоятельствах психоанализ действительно помогает избавиться от "трупа своего детства". Но я не считаю "Приключения трупа" фильмом о психоанализе. Единственная страна, где он может считаться таковым, — Аргентина, где психоанализ — вообще разновидность национального спорта и где очень любят мой фильм "Бетти Блю" ("37,2° по утру"). Я же хотел сде-

лать комедию. Плюс триллер с элементами психоанализа. Когда к этому добавляешь определенную эстетику, то искомый механизм начинает работать. Мы же не считаем картину Хичкока "Психо" фильмом о психиатрии. Моя история — это, с одной стороны, точка зрения психоаналитика, а с другой — его пациента. Я был пациентом.

— И потому вы использовали из всех снов Фрейда сон человека с волками?

— Я весьма часто вдохновляюсь от классиков. Адаптация — тоже искусное занятие.

— Почему лишь один полицейский в фильме остался нормальным?

— Это видение полиции, но полиция тоже безумна.

— Вы наверняка ссорите критиков своего творчества между собой?

— Я называю французских критиков "Аль-Кайд": это такая таинственная организация, настаивающая на всеобщей серьезности и регламентированности. Им не нравится кино, не отвечающее их догмам. Так что у меня длится бракоразводный процесс с критиками. С молодыми вообще бывает весело. Один из них однажды спросил меня: "Почему вы использовали музыку из фильма Коппола 'Апокалипсис сегодня'?" Речь шла о

фрагментах "Валькирии" Рихарда Вагнера, которая звучит и у меня в фильме.

— Кстати, о "Догме", становящейся уже историей. Ваше отношение к новому слову в кино и последующей затем мифологизации?

— Когда все это только начиналось, я с облегчением подумал, что наконец-то молодые научились рвать на себе рубашку от Армани. Но мы все больше живем в какой-то экономике результата. Вы замечаете, что сейчас все легче снять фильм и все труднее сделать так, чтобы он удался. Ведь технология — это всего лишь инструмент для творчества. Роман Полански, которого я нежно люблю, как-то сказал, что сегодня молодые режиссеры могут ронять камеру под любым углом. И это хорошо.

— После смерти Ива Монтана на съемках вашего фильма "IP 5: Остров толстокожих" вы надолго попали в опалу. Можно ли проявить эту историю?

— Я и сам бы хотел расставить все точки над "и". Смерть — всегда ужасна, а когда внезапно, вдруг... Я снимал этот фильм для Монтана, с ним в главной роли, и он его уже никогда не увидит. Ив Монтан — герой моего детства, актер и соблазнитель, чье место вакантно. Между нами была действительно история любви без единого облачка на горизонте. Я не испытываю чувства вины. Случившееся — несчастный случай.

— Вы не впервые работаете с Жан-Югом Англадом. Как вы выбираете своих актеров?

— Мои актеры великодушны, красивые, талантливы. Звезд я составляю системе, я работаю с актерами. В звезде такая гипертрофия своего я, что вынести это может не всякий режиссер. Я очень не хотел снимать Жерара Депардье в "Луне в сточной канаве", но мне его навязали. Настасья Кински, Беатрис Далль, Элен де Фужероль — вы уже поняли мою слабость к красивым актрисам.

— Кстати, последняя в фильме выглядит уж очень соблазнительно в состоянии трупа.

— А вы бы хотели, чтобы Англад по фильму таскался с разлагающимся телом? Я старался.

— Ваш будущий проект?

— Уже снят в Японии, в центре сюжета — героиня-женщина.

Беседу вела
Оксана ГАВРЮШЕНКО

Фото Тимофея ИЗОТОВА
(для "Premiere")